

Мельцер Эвальд

Право на убийство
Борьба с вырождением

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84-4
Э14

Э14 **Эвальд М.**
Право на убийство: Борьба с вырождением / Мельцер Эвальд – М.: Книга по Требованию,
2024. – 184 с.

ISBN 978-5-519-96175-2

ISBN 978-5-519-96175-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Д-р Бюелер (католик) высказался в том смысле, что проектируемый метод явился бы отрицанием 2000-летней христианской культуры и вернул бы нас к варварству древнейших времен; примерно так же высказался Г. ф.-Ришер и от имени протестантской группы.

Один только социалист Гурни признал в предложении здоровое ядро. Проекту Гаусвирта, по мнению Гурни, еще далеко до закона. Для этого надо, чтобы в „верхи“ правительств проникли совсем иные воззрения. Но признать идею Гаусвирта неосуществимой невозможно. Правда, опасность злоупотреблений можно предотвратить—путем создания особой контрольной инстанции,—но возникнет еще много других препятствий, напр., несогласие родных и т. д. Кто же пойдет в госпиталь или лечебницу, если он рискует, что ему там дадут снотворное средство, действие которого, к тому же, может затянуться надолго? Д-р Бюелер стоит на точке зрения фарисея из евангелия: благодарю тебя, боже, за то, что я не таков, как эти эллины или римляне! Нет, будем откровенны: что гуманнее—десятки лет держать и кормить в стенах лечебницы приговоренного к пожизненным страданиям человека, или сразу избавить его от этих мук? И еще одно: как будущие поколения будут оценивать „всехристианнейшую“ Европу 20-го века и эпоху древности? Какой из этих эпох они отдадут предпочтение—это ясно.

Позаботимся лучше о том, чтобы идиоты не размножались,—вполне справедливо указывает Гурни. Несомненно, корень вопроса именно в этом: не отрицательные меры, а *положительные* приведут к разрешению проблемы. В ряду этих мер имеет значение, конечно, и стерилизация малоценных в духовном отношении людей, хотя стерилизация—наиболее отрицательная среди мер *положительного* свойства.

Отрицательной евгенике невозможно придавать большого значения. Уничтожение явно больных само по себе не может привести к улучшению человеческой породы. Нужно создать такие условия, при которых все общественные слои могли бы беспрепятственно развивать при-

сущие им способности; „только тогда принципы евгеники принесут свои плоды“ (Т. Юдин—„Евгеника и душевные болезни“).

Цитированные только-что прекрасные слова взяты из доклада на всероссийском неврологическом и психиатрическом съезде в Москве. В Швейцарии проект д-ра Гаусвирта, естественно, встретил энергичный отпор со стороны как медиков и педагогов, так и представителей культов. С разных сторон выставлялись требования, чтобы к обсуждению вопроса, помимо авторитетов в области права, философии и медицины были привлечены и родители. „Кто видел, с какой самоотверженностью и любовью мать ухаживает за своим слабым и больным ребенком, тот с негодованием отвергнет самую мысль об отнятии у нее ребенка с целью умертвить его“.

В настоящей работе читатель найдет вместе с отзывами ряда авторитетных ученых также статистические данные, основанные именно на отзывах родителей. Кто знает, по какому именно пути пойдет человечество в этом вопросе? Во всяком случае, я надеюсь с помощью этой сводки показать, как относится к проектам Биндинга большинство врачей и юристов нашего времени. Биндинг скорбит об отсутствии у нашей эпохи героизма: если бы уровень нравственности в наше время был выше, мы, не колеблясь, государственными мерами прекратили бы страдания этих несчастных. Последние — это „карикатуры на настоящего человека, которые возбуждают ужас в каждом, кто с ними встречается“. С моей точки зрения, гораздо больше действительного героизма в том, чтобы заботиться об этих людях, окружать их теплом и светом солнца. Этим путем мы скорее приблизимся к великим идеалам культуры, чем, следуя Манну, который в своем „Спасении человечества от бедствий“ идет еще гораздо дальше Биндинга. По Манну, враги „селекции“ — это директора и персонал психиатрических лечебниц, домов призрения для слепых и санаторий: все эти учреждения занимаются тщетными, по его мнению, попытками исцелять.

Врачи и воспитатели, посвятившие себя уходу за нуждающимися в помощи людьми, должны сплотиться против такого рода „селекции“, не в собственных, конечно, интересах,—работа для них нашлась бы и на других поприщах,—а в интересах человечества.

Вместе со знаменитым французским врачом Сегэном („Идиотизм и его лечение по психологическому методу“) я говорю: „Целые нации погибли вследствие гиперτροφированной культуры в немногочисленной среде избранных, и улучшить породу людей можно только путем подъема среднего уровня самых отсталых, пользуясь для этого мерами воспитания и культуры“.

Эвальд Мельцер.

Право на убийство.

Еще во время войны, т. е. в период наиболее острой продовольственной нужды, я имел случай высказаться (в статье „Культура и слабоумие“) по вопросу, который часто задают мне даже вполне интеллигентные люди, посещая заведомый мной интернат для недоразвитых и психически больных детей. Меня спрашивают: „Почему не принимаются меры к тому, чтобы прекратить жалкое существование этих несчастных созданий, раз болезни их признаны неизлечимыми? Ведь такая мера была бы большим облегчением как для родителей, так и для сограждан и государства, избавляя их от ухода за неполноценными жизнями и давая возможность затрачиваемые на них значительные средства тратить на более полезные цели?“.

К счастью,—указывал я в названной статье,—редко бывает так, чтобы ребенок, страдая от неизлечимого недуга, жил самому себе в тягость. Напротив, большинство детей хочет жить и даже проявляет непреодолимую волю к жизни. Едва ли поэтому такой ребенок, если бы спросили его мнения, высказался бы за сокращение своей жизни. Равным образом и большинство родителей, зачастую с трогательной любовью привязанных к своим детям, не дали бы на это согласия, так как не были бы в силах взять на свою совесть смертный приговор над собственным ребенком.

А между тем, всякий закон, который разрешал бы безболезненное прекращение таких жизней, мог бы иметь силу только при условии согласия на это со стороны

правомочных к воспитанию ребенка лиц. А если так, то принятие подобного закона едва-ли привело бы к каким-нибудь практическим результатам.

В связи с этим я указывал, что подобного закона, насколько мне известно, нет ни у одного культурного народа современности. Практика древней Спарты не может вызвать подражания, ибо принятые в Спарте меры „гигиенически-расового“ свойства не спасли их культуру—очень мало, кстати сказать, развитую,—от быстрой гибели.

Идея признания идиотов зародилась всего лет сто тому назад; признание их служит на пользу не только отдельным слабоумным, но и их близким, а также государству, ибо оно дает возможность использовать надлежащим образом силы, которые раньше оставались неиспользованными.

Уже сравнительно давно стали изучать и систематизировать наблюдения над больными, собираемые усилиями отдельных миссионеров. Изучение этих материалов дает возможность установить, где и какие следует нажимать рычаги, чтобы успешно бороться с теми бедствиями и язвами нашей культуры, которые способствуют развитию неполноценных человеческих ростков. Таким образом, соблюдение указанного выше этического закона, если можно так выразиться, само себя окупает.

В другой статье—„О задачах государственного Интерната Гроссгеннерсдорф“ я резюмировал свои взгляды в такой форме: „В итоге, с огромным бедствием, появившимся на земле вместе с этими детьми, следует бороться не насильственными мерами, ибо они никогда не приводят к цели,—а мерами гуманной культуры, социальными реформами. В первую очередь я имею здесь в виду исследование с помощью науки и воздействие на источники тех болезней, которые ведут к детскому слабоумию и кретинизму“.

Таким образом, уже тогда, через год по окончании войны, когда продовольственное положение Германии едва-ли уже улучшилось по сравнению с последним

военным годом, — уже тогда я высказался против упомянутого выше требования, хотя в то время соображения национально-экономического свойства еще стояли для всех на первом плане.

Весною 1920 г. появилась привлекавшая к себе огромное внимание брошюра „Право уничтожения неполноценных жизней, его пределы и формы“, д-ра философии и права Карла Биндинга и д-ра мед. Альфреда Гоша. Тот факт, что столь известный профессор-юрист, как Биндинг, и столь значительный психиатр, как Гош, посвятили себя специальному изучению этого вопроса, что первый из названных ученых рассматривал свою работу, как некоторую заповедь (это видно из примечания издательства и предисловия Гоша), наконец, то обстоятельство, что оба автора решают затронутый ими вопрос утвердительно—это видно и из самого заглавия работы—все это заставило меня в корне пересмотреть свою точку зрения. Ибо, если Биндинг и Гош неопровержимо правы с юридической и врачебно-психиатрической точки зрения, если—как отмечает Гош в своем предисловии—„проницательность соединяется здесь с полным сознанием ответственности и истинным человеколюбием“, то мне пришлось бы сделать совсем иной вывод. Выходит, что путем лишения жизни мы не только помогаем страждущим, несчастным людям оставить эту юдоль печали, но и приносим пользу обществу—которое к тому же в данный момент испытывает особенно острый недостаток в пище и одежде.

Брошюра Биндинга—Гоша вызвала живейший интерес, особенно в ученом мире, а оттуда мысли авторов, конечно, перебросились и в обывательскую среду, где также встретили сочувствие, так как в то время стремление к разумному упорядочению проблемы носилось в воздухе. Но рядом с этим брошюра и в тех, и других слоях натолкнулась и на серьезные возражения, на решительный отпор. Опираясь на личный (13-летний) опыт директора воспитательного дома для идиотов, в большинстве не поддающихся ни обучению, ни воспитанию и отчасти

прямо душевно-больных, я думаю, что будь устроен по этому вопросу плебисцит, он привел бы к такому разделению голосов, которое не дало бы никакого определенного ответа. Разумеется, было бы совершенно недопустимо в столь существенных вопросах культуры основываться на большинстве голосов. Гораздо уместнее подвергнуть проблему всестороннему и глубокому обсуждению, и лишь тогда занять ту или иную позицию в отношении выдвинутых Биндингом предложений.

Для этого ознакомимся, прежде всего, с содержанием брошюры Биндинга. Тридцать пять страничек этой работы не легко усвоить, и не только из-за обилия специальных юридических терминов—Биндинг подчеркивает большое значение, придаваемое им строгой юридической формулировке—сколько, благодаря множеству примечаний и комментариев; последние, подобно примечаниям к законоположениям, у него нередко обширнее, нежели самый текст. Ниже мы делаем попытку людям непосвященным, желающим составить себе мнение в этом вопросе, облегчить усвоение хода мыслей автора.

Повидимому, социологический этюд Иоста „Право на смерть“ оказал большое влияние на Биндинга. Он неоднократно ссылается на этого автора, характеризуя его труд, как весьма полезный, намеренно лишенный специально-юридических конструкций, но полный идеализма и вдохновения. В частности, он подчеркивает правильность мнения Иоста о том, что возможны условия, когда человек признает минимальной ту пользу, какую он может принести человечеству, и максимальными те страдания, которые ему предстоит перенести в жизни; в этом случае ценность человеческой жизни опускается ниже нуля.

В своем труде Иост ссылается на Шопенгауэра—и, поскольку я знаком с этим философом, не всегда основательно,—который якобы признал источником и корнем морали и нравственности одно только сострадание. Всякое последовательное мирозерцание должно, по Иосту, прийти к такому именно выводу; поэтому,

надо предоставить слово естественной морали, которая повелевает считаться с благосостоянием человеческого общества и сочувствовать страданиям отдельной личности.

Неразумны религиозные или философские рассуждения, вроде того, что откинуть от себя жизнь есть грех, или, что в интересах абсолюта следует поддерживать жизнь во всех случаях, даже когда она стала бесполезной. Только потому, что люди воспитываются на такого рода отсталых воззрениях, неизлечимо больной зачастую страшится самоубийства, не настаивает на своей смерти и влачит страдальческие дни вплоть до своей горькой кончины. Прибавим сюда, что в случаях неизлечимых болезней бесцельно расходуются значительные материальные блага—пищевые продукты, врачебный уход, лекарства и пр.; напомним еще опасность заражения, а также исходящий от больного психический гнет, который удручающе действует на окружающих, чем наносится дальнейший вред интересам общества. Но вместе с тем Иост энергично отвергает высказанный в „Гибели богов“ Ницше взгляд на больного, как на паразита, считая такую трактовку грубо-эгоистичной.

Возражению, что всякая жизнь представляет неизмеримо высокую ценность, он противопоставляет соображение, что общество или государство, ради политических интересов, часто жертвует сотнями тысяч жизней. На другое возражение—что никогда неизлечимость не может быть установлена с полной безошибочностью—он отвечает следующим доводом: ошибки такого рода весьма невелики в сравнении с страданиями многих тысяч, которых не хотят излечить, боясь впасть в ошибку; приходится считаться с неудачным—в исключительных случаях—исходом проектируемой реформы. Третье возражение—что покушения на чужую жизнь тогда будут происходить с еще большей беззастенчивостью, чем сейчас—Иост старается ослабить указанием на то, что в некоторых случаях государству предоставляется право уничтожения жизней, как, например, во время войны или в отношении тяжких преступников. Почему же не пре-

доставить это право и тогда, когда интересы личности и общества совпадают в единой воле к уничтожению?

С особенной едкостью Иост клеймит религиозный подход к вопросу: больному предоставляется страдать без цели и пользы, а впоследствии, когда он после долгих страданий, наконец, умирает—мы облегчаем свою совесть возгласом: слава богу! Такое поведение напоминает жестокие жертвоприношения древности, когда женщины отдавали в руки раскаленного Молоха самое дорогое—своих детей.

Если называть трусостью желание избежать страданий, то трусостью является и пользование наркозом. Даже самый набожный человек принимает меры к тому, чтобы обойти некоторые ниспосланные ему богом неприятности и вовсе не склонен к смирению и покорности, свойственным фаталистическому Востоку. Не является ли в таком случае евангельский поступок милосердного самарянина тоже фактом безбожия? Неужели любовь к ближнему обязана умолкнуть именно перед видом мучительного умирания?

В сущности, все религии непоследовательны, ибо они-то, главным образом, и признают за государством право лишать людей жизни при наличии указанных выше условий. „Они грешат против божественной идеи, превращая благостного властелина мира в азиатского деспота, который, не довольствуясь налагаемыми им на подданных истязаниями, строжайше воспрещает оказывать помощь истязуемым“.

По мнению Иоста, вывести из тупика может только одно: мы должны признать право на убийство в случаях неизлечимых болезней. Или надо предоставлять научной совести врача решение вопроса о применимости этого права в каждом отдельном случае, подобно тому, как ныне это имеет место при опасных для жизни операциях; или же надо раз навсегда установить известные неизлечимые болезни, при которых лишение жизни должно быть осуществляемо.